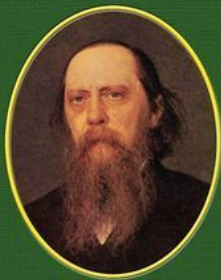

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Григорий Александрович Потемкин. Историческая повесть для детей

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3133255*

Аннотация

«...если можно справедливо предположить, что общество, среди которого человек живет, может переработать его натуру, то точно такое же благотворное влияние имеет на природу ребенка и чтение, подчиненное строгому выбору. Поэтому мы никак не думаем отвергать пользу, которую могло бы принести сочинение г. Фурмана, если бы оно было хорошо задумано и исполнено. Но в том-то и беда, что автор впал в этом случае в ошибку, общую всем детским писателям...»

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Григорий Александрович Потемкин. Историческая повесть для детей

*ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОТЕМКИН.
Историческая повесть для детей. Соч. П. Фурмана.
В двух частях, с 20-ю картинками, рисованными
Р. К. Жуковским. Санкт-Петербург. В тип. военно-
учебных заведений. 1848. Две части.*

Не знаем, решительно не знаем, полезно ли детям чтение повестей, и в особенности исторических, подобных той, которую написал г. Фурман. Нам кажется, что с детьми особенно опасно шутить – а из всех шуток чтение повестей едва ли не самая негодная для ребенка. Мы можем представить себе, например, что чтение биографии Плутарха может принести пользу ребенку: там всякое слово – истина, каждая черта взята из действительности, так что ребенок, читая Плутарховых знаменитых людей, свыкается с жизнью и не только получает совершенно верные и здравые понятия о различных эпохах и странах древнего мира, но и для себя собственно извлекает весьма важный практический результат от это-

го чтения. Люди, с которыми знакомится он, – люди живые, люди с плотью и кровью, и если можно справедливо предположить, что общество, среди которого человек живет, может переработать его натуру, то точно такое же благотворное влияние имеет на природу ребенка и чтение, подчиненное строгому выбору.

Поэтому мы никак не думаем отвергать пользу, которую могло бы принести сочинение г. Фурмана, если бы оно было хорошо задумано и исполнено. Но в том-то и беда, что автор впал в этом случае в ошибку, общую всем детским писателям. Писатели этого рода непременно хотят обращаться с детьми не как с людьми, а как с низшими организмами, немного чем повыше минералов. Они решительно не хотят понять, эти добрые люди, что дети, в своей, то есть личной степени их развития, сфере, точно так же взрослые, как и самые взрослые; разница только в том, что одни начинают, а другие продолжают или кончают, и если некоторые знания неудобны для детей и несогласны с складом их ума, то это потому, что, по самой своей сложности, эти знания предполагают наличие других знаний, менее сложных, и что развитие человека требует постепенности и никогда не совершается скачками.¹ Если вы будете толковать ребенку о свойстве души, когда он не знает ни на волос о свойствах

¹ ...развитие человека требует постепенности и никогда не совершается скачками – О «постепенности развития» человека говорится в записях Салтыкова в связи с чтением книги Кабаниса «Соотношение физического и морального в человеке» («Известия АН СССР», отд. общ. наук, 1937, стр. 868).

предмета более ему близкого – о свойствах его брэнного маленького тела, естественно, что философия покажется ему пугалом, на которое он будет смотреть не иначе, как со страхом и отвращением. Из этого, казалось бы, должно вывести то прямое следствие, что ребенку не под силу философия, что ему не нужно набора слов о свойствах души и т. д., но педагоги и знать ничего не хотят... В пылу своего варварского прозелитизма они во что бы ни стало хотят вдолбить ребенку несвойственную его возрасту науку, и на этот конец выдумывают для него другую философию, еще нелепее их ординарной – философию детскую. Странное дело! никто не требует от ребенка, чтоб он читал, не зная азбуки, а между тем всякий считает себя вправе навязывать ему понятия об обязанностях, о долге и т. п., чего он никак не понимает! Вот, например, г. Фурман издал детскую биографию Потемкина. Ну, кажется, отчего бы и не узнать детям жизни одного из знаменитейших людей времен Екатерины, особенно если жизнь эта хорошо рассказана?.. Но г. Фурман никак не может упустить из виду, что дитя существо малое, неразумное, что ему, дескать, надобно легонькую историю и, главное, с нравственною приправой. Поэтому все сочинение его преисполнено моральных сентенций, и где Потемкин, по мнению автора, поступает хорошо – там так и говорится, что вот это, мол, хорошо, и этому надо подражать, а где встречается безнравственный поступок, там дети предупреждаются, что это, мол, безнравственно и что таким образом поступать не

следует...

Автору очень хорошо известно, что взрослый человек отнюдь не возьмет себе примером для подражания ни Потемкина, ни другого, ибо взрослый человек знает, что обстоятельства жизни у всякого различны и своеобразны: поэтому г. Фурман и не претендует, чтоб книгу его читали взрослые, и заранее оговаривается, что это, дескать, повесть для детей... Для детей! Но какое право имеете вы заключать, что детям будет интересно читать вашу повесть, когда в ней действуют не живые люди, а какие-то образы без лиц, ходячие сентенции? Почему вы думаете, что если взрослому покажется диким, будто двенадцатилетний Потемкин не хуже любого сентиментального господина «крепко жмет руку матери от умиления при виде Москвы», то еще большею букою не покажется это ребенку? Какую пользу может принести детям ничего не говорящее рассуждение о дружбе (ч. II, стр. 7–10)? Какого, например, практического результата желает достигнуть автор своими анекдотами о разных *кривых* толках иностранцев про Россию? Приводим один из этих анекдотов: «Другой (автор говорит об иностранцах, писавших о России), обедая однажды у Русского, слышал, как маленький сынок хозяина беспрестанно просил квасу, когда отец его пил, говорил: и мне, папенька, и мне! и уверяет, что в России есть особенный напиток, который называется <нрзб>».

Или:

«Третий заметил у Большого театра костры, у которых зи-

мою, во время спектаклей, греются кучера и извозчики, говорит, что зимою в Петербурге бывает иногда так холодно, что топят улицы».

Право, поверить на слово г. Фурману, так выходит, что все иностранцы преглупейший народ; но, как справедливо замечает потом сам автор:

«Невежда похвалы малейшей не умалит, И то не похвала, когда невежда хвалит»

Итак, иностранцы могут быть покойны; только все-таки не понимаем, в какой мере полезны подобные анекдоты в детской книге.

А между тем намерение г. Фурмана, очевидно, было похвальное...

Издание чисто и красиво; к книге приложено двадцать рисунков г-на Жуковского, из которых некоторые сделаны весьма удачно.